

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

А.Н. Покровский

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доц. каф. философии

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РАЗОБЩЁННОСТИ ОСНОВАНИЙ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Наглядным доказательством общего кризиса доминирующего социогуманитарного дискурса является отсутствие адекватной макросистемной диагностики актуальных общественных трансформаций при высокой эффективности частных прикладных исследований. Эта теоретическая неспособность может быть объяснена разобщённостью концептуальных оснований актуального социогуманитарного знания.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, социокультурная диагностика, дискурс, дисфункция, концептуальная несвязность знания, концептуальные основания знания.

А.М. Покровський

ДО ПРОБЛЕМИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЇ ДИСОЦІАЦІЇ ЗАСАД СОЦІОГУМАНИТАРНОГО ЗНАННЯ

Наочним доказом загальної кризи домінуючого соціогуманітарного дискурсу є відсутність адекватної макросистемної діагностики актуальних суспільних трансформацій при високій ефективності окремих прикладних досліджень. Ця теоретична неспроможність можна пояснити дисоціацією концептуальних засад актуального соціогуманітарного знання.

Ключові слова: соціогуманітарне знання, соціокультурна діагностика, дискурс, дисфункція, концептуальна незв'язність знання, концептуальні підстави знання.

A.N. Pokrovskiy

TO THE PROBLEM OF CONCEPTUAL DISSOCIATION OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE FOUNDATIONS

The absence of adequate macrosystemic diagnostic of actual social transformations at high efficiency of particular applied research is a clear proof of the general crisis of the dominant socio-humanitarian discourse. This theoretical inability can be explained by the dissociation of the conceptual foundations of the current socio-humanitarian knowledge.

Keywords: socio-humanitarian knowledge, sociocultural diagnostics, discourse, dysfunction, conceptual incoherence of knowledge, conceptual foundations of the knowledge.

В последнее десятилетие прошлого столетия вполне академичными казались рассуждения о «конце истории», «третьей волне» или «информационном обществе». Не столь важно, чем был обусловлен такой плоский взгляд на сложнейший и многомерный этап качественных сдвигов в самих основах цивилизации – недалёковидностью ли авторов, общим ли кризисом самих методологических основ социогуманитарного познания, умышленной ли манипуляцией картиной мира в угоду сиюминутным идеологическим потребам. С точки зрения научного контекста вопрос о мотивах может быть признан второстепенным. Первостепенной же задачей является принципиальный

критический пересмотр сложившейся в то время концептуальной матрицы, претендовавшей на последнюю инстанцию в вопросе о сущности происходящих в современном мире процессов, их направленности, причинно-следственной обусловленности и возможных последствиях.

Очевидно, что именно эти одномерные и крайне редуccionистские представления во многом способствовали определённой слепоте относительно происходивших трансформаций общества. Авторы, разрабатывавшие концептуальное ядро новой парадигмы социогуманитарных исследований, допускали одно и то же принципиальное противоречие: указывая на очевидный качественный характер происходящих изменений, они в то же время пытались трактовать их в линейных описательных схемах, игнорируя саму суть любого качественного преобразования – его необходимо диалектический характер. Таким образом, упускалось именно то, что подлежит изучению в первую очередь. Внимание акцентировалось на революционном потенциале новаций (*тезис*), но логика их развёртывания выстраивалась зачастую без учёта актуальных реалий, очевидно детерминировавших развёртывание новых тенденций, обусловленных их социальной и технико-технологической базой (*антитезис*).

Подобная методологическая «слепота» последних десятилетий становится очевидной на фоне общего развития социально-философской мысли XX столетия, которая, несомненно, предоставила принципиально более эвристически состоятельные методологические инструменты, нежели те, которые были задействованы для выработки концепта «информационное общество» и связанных с ним представлений. Поэтому более чем странным выглядит консенсус, который к концу XX столетия сложился в «легальном» научном и философском сообществе относительно «постиндустриально-информационного» методологического ядра, которое, собственно, продолжает оставаться одной из доминант социально-философского дискурса.

Этот консенсус является важнейшим показателем кризиса в развитии познавательного инструментария общей диагностики актуальной социальной реальности, проявляет глубинные предпосылки этого кризиса, а не только его вторичные проявления. Речь здесь идёт как о степени адекватности применяемых познавательных средств, так и о дисфункциональности осуществляемой с их помощью социальной диагностики. Представляется, что действительной причиной этого кризиса является как общая дезорганизованность фундаментальных оснований современного социогуманитарного знания, так и паралич институтов социального мониторинга, одним из которых, безусловно, является сама наука. Предсказательная способность социогуманитарного знания как один из главнейших атрибутов и критериев научности претерпевает глубочайшую инфляцию, демонстрируя системную несостоятельность макропрогнозов. Альтернативная прогностика и лежащая в её основе методология вытеснены на периферию; доминирующий дискурс защищён от их влияния.

В условиях актуальной социально-политической конъюнктуры сами по себе познавательные средства, какими бы совершенными они ни были, не могут изменить господствующего порядка вещей. Однако указанная дисфункциональность систем социальной диагностики, которые призваны обеспечивать обратную связь в контуре управления обществом и обеспечивать устойчивым инструментарием адекватную общественную рефлексию, не является сугубо политической проблемой. Она во многом обусловлена именно несостоятельностью циркулирующего в рамках доминирующего социогуманитарного дискурса познавательного инструментария. То есть гипотетическая перестройка диагностической системы вряд ли приведёт к значимому улучшению качества диагностики, так как наличные познавательные инструменты изначально не обладают должной функциональностью. Таким образом, возникает замкнутый круг: дисфункция систем диагностики взаимоподдерживается

дисфункціональністю діагностического інструментарія. Наявність вказанного порочного кола обесмысливає будь-яке часткове реформування соціальних інститутів, нивелює будь-які часткові досягнення в області наукових досліджень.

Тем не менше, першостепенним представляється саме науковий контекст проблеми, так як продуктивне розв'язування наукового дискурсу, побудованого на прагненні до вироботки об'єктивної і достовірної картини дійсності, може привести до якісної перестройки не тільки знаниєвих, але і соціальних систем, які во багатьох відношеннях є організаційним втіленням актуальних теоретических представлень. Ефективний методологічний апарат дослідження і діагностики соціальної реальності, який має в своїй основі не що більше, ніж набір часткових постулатів, очевидних для сторонників, але позбавлених примусовості наукової об'єктивності, міг би стати основою для формування столь необхідних сьогодні альтернатив тавтологічним самоопианням пануючого соціального порядку.

Сучасне соціогуманітарне знання представляє собою складний конгломерат різних теоретических моделей і емпірических закономірностей, різні фрагменти якого лише фрагментарно затронуті концептуальною інтеграцією. Найбільш відчутно ця системна роздробленість проявляється в дуже низькій метрологіческої достовірності соціогуманітарного знання як цілого, розмитості застосованого понятійного апарату і відсутності чітко фіксованих представлень про базові феномени, формуючі і системно організуючі соціальну реальність. Так, основні концепти, які призначені служити онтологіческим фундаментом соціогуманітарного знання і формувати концептуальне ядро окремих наук, в дійсності не мають не тільки міждисциплінарної зв'язності, але і мають велику кількість ізольованих дефініцій в межах окремих наук. Немає суворого загальнонаукового визначення навіть таких базових понять, як суспільство, людина, культура.

Концептуальна несв'язність породжує автономні знаниєві системи, кожна з яких тождественна власному набору прийнятих вихідних постулатів, але не може вступати в системне продуктивне взаємодія з альтернативними моделями. Застосовність будь-якої часткової теорії ґрунтується на її власних критеріях адекватності, що усуває можливість принципової фальсифікації. Контекстуальна закритість часткової системи постулатів, лежачих в основі спеціальної теорії, повністю забезпечує її верифікованість в власних межах¹.

Наука ХХ століття має позитивний досвід вироботки підходів, які дозволяють працювати з багаточисельними опианнями феноменів, класичним прикладом чого є принцип доповнелітності Н. Бора. Однак взаємна доповнелітність опианій можлива виключно в межах більш загального концептуального обобщення, яке інтегрує спеціальні опиання на вищому рівні. Некласичне естествознання здійснило діалектический перехід саме завдяки революції в розумінні принципів доповнелітності і вийшло на новий рівень генералізації представлень. Соціогуманітарне знання пішло іншим шляхом, в результаті чого має місце неупорядкований конгломерат розрознених концептуально несв'язних опианій, принципово залежачих від часткового контекста, позбавленого вертикальної і, як наслідок, горизонтальної зв'язності, яким і представляється сучасне соціогуманітарне знання. Така принципова залежність претендуючого на науковість знання від часткового контекста повинна

¹ Об этой «обороноспособности» автономных и достаточно теоретически развитых научных систем говорили в своё время Лакатос и Кун. И хотя они исходили из разных модельных представлений науки, но в этом вопросе пришли к довольно схожим выводам: опровержение концептуального ядра (парадигмы) на основе альтернативных представлений вряд ли представляется возможным.

вызывать крайнюю озабоченность и делает неизбежной постановку принципиального вопроса о мере *объективности* подобных представлений.

Указанная разобщённость социогуманитарного концептуального поля имеет целый ряд причин, среди которых собственно методологические трудности, связанные со спецификой объекта исследования, видимо, являются далеко не единственными. По крайней мере, не меньшее значение имеет общее состояние социогуманитарного знания как области не только специфически научной деятельности, но и философской рефлексии. Ключевые теоретические трудности, связанные с выработкой целостного системно организованного социогуманитарного предметного поля своими корнями, очевидно, уходят в философские основания, обусловлены их (оснований) фрагментарностью и слабой связностью с актуальным научным знанием. Как это ни парадоксально, но естественные науки, которые традиционно рассматривались как ядро позитивистского («антиметафизического») проекта, в настоящее время обладают куда меньшей противоречивостью собственных философских оснований (онтологических, гносеологических), нежели социогуманитарное знание, которое в процессе развёртывания постмодернистского антипроекта оказалось лишено сколь либо надёжного философского фундамента. Страх перед тоталитарным диктатом надёжных оснований привёл к другой крайности – столь же тотальному релятивизму.

Актуальные социогуманитарные знания распадаются на два комплекса. С одной стороны, наличествует конгломерат специальных моделей различного уровня обобщения, описывающих отдельные области социальной реальности как автономные, изолированные проблемные поля. Такие модели есть во всём спектре наук, изучающих человекообразные системы – от собственно социологии и психологии до экономики. Они, как правило, являются феноменологическими и обобщают эмпирический опыт в определённой проблемной области. С другой стороны, имеются стремящиеся к максимальному обобщению метатеории, претендующие на представление целостной картины социальной реальности. Подобные метатеории тесно связаны с философским умозрачительным постулированием, где и проявляется в полную силу размытость концептуального поля.

Специальные модели обусловлены сугубо прикладными задачами манипулятивного управления отдельными процессами, составляющими ткань социальной реальности. Привносимые манипуляциями изменения динамики социальных процессов порождают нужные – с точки зрения модели – тенденции, направленность которых представляется положительной тем, кто модель использует. Так, кризис на валютном рынке открывает широкие возможности для валютных спекулянтов, которые очевидно стремятся к более глубокому пониманию механизмов перехода валютных аттракторов в точки бифуркации. Для спекулянтов такое знание является необходимым инструментом повышения эффективности своей деятельности, и они с готовностью спонсируют соответствующие области прикладных исследований. Однако подобное моделирование ограничено узкими рамками начальных условий и задач, то есть игнорирует всё, что выходит за рамки начального целеполагания. Единственным критерием адекватности является вероятность достижения поставленной цели в заданных условиях.

Метатеории стремятся наделить социальную реальность общими характеристиками, которые бы укладывались в определённые начальные концептуальные контуры. Эти контуры прямо или косвенно проистекают из мировоззренческих предпочтений авторского коллектива, то есть являются спекулятивными. Познавательная ценность философской спекуляции очевидна; но выполнять позитивную познавательную роль спекуляция может лишь в том случае, если обладает устойчивой обратной связью с поясняемой реальностью через системную верификацию собственного смыслового содержания. В идеале эта связь

необходимо вистраивается в процессе эмпирической проверки дедуктивных интерпретаций базовых представлений теории. В частном случае эта процедура выполняется, но её доказательная ценность в условиях постклассической науки обратно пропорциональна обобщённости и степени абстрактности теории.

Затрагиваемая здесь проблема обусловлена не столько сложностью объекта или условиями его изучения, сколько общей направленностью исследования, его целями и – что особо важно – контекстом. В реальной научной практике могут возникать принципиальные помехи, связанные не столько с познавательным процессом как таковым, сколько с теми социальными, экономическими, политическими, культурными условиями, в которых он протекает. В ситуации размытости концептуального поля социогуманитарное знание принципиально не защищено от подобных влияний, становится их функцией. Отсутствие концептуальной целостности приводит к использованию понятийного аппарата *ad hoc*, что открывает возможности для внеконтекстной манипуляции эмпирическими данными и понятийным аппаратом с дальнейшим размытием его концептуальных границ. Такое положение дел блокирует плодотворное использование любых частных достижений науки для генерализации представлений об обществе и его составных элементах как социетальной системе.

Такое положение вещей делает неизбежным доминирование описательно-спекулятивного подхода, который легко поддаётся конъюнктурному политическому или идеологическому давлению, просто не имея достаточных познавательных ресурсов для противостояния ему. В ситуации отсутствия *внутринаучного* консенсуса относительно базовых элементов социогуманитарного предметного поля неизбежным становится доминирование той «точки зрения», которая получает *внешнюю* поддержку – политическую, финансовую, идеологическую. В рамках научного дискурса противопоставить этому вненаучному, но ресурсно значимому давлению нечего, кроме альтернативной, но так же вненаучной поддержки². То, что в физике или химии практически невозможно – в сколь либо длительной временной перспективе, является реальностью для современного гуманитарного и социального знания, которое оказалось ареной политико-идеологической борьбы различных вненаучных (а иногда и антинаучных) лобби.

Современное социогуманитарное знание в своих основных оформившихся научных дисциплинах – психологии и социологии – всё в большей степени теряет фундаментальное значение, вырождаясь в комплексы по сути технико-технологических рекомендаций манипулятивного или социометрического характера. Продолжает проявляться тенденция нарастания разрыва между интенсивно развивающимся инструментальным, технологически ориентированным знанием и общеметодологическим научно-философским представлением о системном характере социальной реальности. Инструментальные возможности современных прикладных научных знаний демонстрируют свою эффективность в явно успешных прецедентах их применения в манипулятивных практиках, иногда в масштабах целых обществ. При этом практически отсутствует фундаментальная социально значимая научная экспертиза системных последствий таких практик – как непосредственных, так и опосредованных и отложенных. Частная эффективность применяемых решений не может быть корректно интерпретирована с точки зрения общесистемных интересов по

² Можно ли, исходя из этого, предположить, что, например, широкое распространение определённых идей Фрэнсиса Фукуямы и его работа на Государственный департамент США или в RAND Corporation не являются простым совпадением? И может быть неслучаен эпитет «интеллектуальная рок-звезда», которым Фукуяма был награждён обозревателем журнала «Австралиец» С. Бакстером? Насколько применим подобный эпитет к классикам типа Дюркгейма, Вебера, Сорокина, даже Фрейда? Альтернативным примером может быть Пол Кругман, нобелевский лауреат по экономике, который назвал полтора года работы в Белом доме «временем, когда у меня открылись глаза».

той банальной причине, что таковые общезначимые представления отсутствуют в условиях фрагментированного социогуманитарного контекста. Вернее сказать, такие представления наличествуют, но, вынужденно имея спекулятивный характер, остаются – с точки зрения господствующего дискурса – лишь частными «мнениями», объективация которых блокируется отсутствием интегрированного концептуального базиса социогуманитарного знания.

Отсюда сложность анализа актуальной социальной реальности во всех без исключения её измерениях. Что, в свою очередь, обуславливает принципиальную условность генерализации выводов любой социогуманитарной диагностики. Теории и познавательный инструментарий имеются, их суть подробно изложена во множестве монографий и учебников, научная значимость подтверждена научными степенями авторов. Но возможна ли на их основе общезначимая критика существующего общественного уклада и разворачивающихся на его базе тенденций? И насколько эта критика будет устойчива к ненаучным воздействиям? Наука, ориентированная на решение прикладных задач и лишённая концептуальной связности, утрачивает способность быть систематически скептической, что изначально было одним из её краеугольных оснований. Такая наука уже не может генерировать принципиальную критику; она может быть только в той или иной степени подручной.

Эта амбивалентность современного социогуманитарного знания является частным проявлением фундаментального противоречия нынешнего состояния общества, а именно сосуществование в рамках одной системы крайних форм рациональной упорядоченности прикладных моделей частной деятельности при тотальной дезорганизованности фундаментальных представлений и концептуальных обобщений сущности и динамики частных инициатив в их системном контексте. Социогуманитарное знание, таким образом, лишь проявляет общую тенденцию. Тем очевиднее явное отставание общепhilosophического дискурса, который не обладает достаточной – прежде всего именно научной – базой для выработки целостного представления хотя бы о допустимых целях и границах применения мощнейших социальных технологий, от самих этих технологий, которые оказываются вне общественно значимой рефлексии, адекватной их функциональности. Доминирующий философский дискурс не в силах даже сформулировать общезначимую социогуманитарную проблематику, в рамках которой могла бы быть активирована продуктивная и объёмлющая полемика по фундаментальным проблемам современности.

Складывающаяся ситуация в определённом смысле напоминает рецептурный характер древнейших форм знания, когда действенность отдельных решений не имела иного концептуального обобщения, кроме доминирующей мифологической системы. Современное научное знание, обладая колоссальным инструментальным потенциалом, подчинено иррациональному в своей основе постулированию актуальной реальности в господствующих форматах общественного дискурса. Однако современные манипулятивные методики, будучи принципиально мощнее древних, лишены даже того наивно-мифологического обобщающего контекста, который наличествовал в древности. Традиционный миф как целостное, вырабатывавшееся на протяжении жизни многих поколений в ходе естественной эволюции общества системное представление реальности, имплицитно включавшее действенные ограничители и системы сдержек, сегодня замещён идеологией, то есть произвольным конструктом, который является результатом целенаправленного профессионального высокотехнологичного социального инжиниринга, осуществляемого в частных интересах тех социальных групп, которые обладают соответствующими ресурсами.

Как следствие, несмотря на действительные достижения социогуманитарного знания, у современного общества нет концептуально фиксированных ответов по самым ключевым вопросам. Место научно обоснованных теорий занимают часто даже не

спекулятивні системи, а відкрито ідеологічні сиюминутні лозунги, єдиний завдання яких – блокування розкриття наукового дискурсу в актуальних точках напруження шляхом введення руйнівних будь-якого обговорення вірусів-мемів, нав'язуваних науковій спільноті постулювані відносно не науковим контекстом обмежуючі рамки статус-кво. Подібні підлоги перекладають проблеми з понятійних матриць спеціальних наук в несвоєрідні їм смислові простори. Медичні, правові, економічні, психологічні, соціологічні проблеми з власне професійних областей перекладаються в область вульгарно-профанного дискурсу, в тому до телевізійних шоу. Таке вивчене постулювання власне наукового дискурсу специфічно виконує функцію зворотного зв'язку, яка повертає в науковий оборот принципово вульгаризовані уявлення, володіють лише науковою формою, але вивірені в своєму науковому змісті. Останнім актом трагедії є та значуща підтримка, яку знаходять ці скорректировані «наукові» уявлення вже в самому науковій спільноті, так як, не маючи концептуально цілісних основ, наука не може забезпечити достатню функціональність і власних соціальних фільтрів, які втрачають здатність забезпечувати адекватний відбір наукового контингенту.

Кон'юнктура стає одним з важливих корелятів науки. І якщо в прикладних дослідженнях їх необхідна зв'язь з практикою в цілому забезпечує збереження ними науковості, то фундаментальні уявлення, помилковість яких може камуфлюватися в процесі тривалого часу, інтенсивно втрачають всі ознаки науковості. Можливий вихід з даного порочного кола може бути в принциповому перегляді концептуальних основ всього комплексу соціогуманітарних наук і відповідних розділів філософського знання з наступною їх горизонтальною і вертикальною інтеграцією в єдиний комплекс. Це потребує принципового перевертання базових уявлень про сутність суспільної системи і основних її компонентів, що неминуче робить першочисельним питання про соціальну сутність людини. Однак в теперішній час це питання не може бути навіть сформульованим ні в узконауковій, ні в загальнофілософському контексті.

УДК130

Г.М. Горячківська

Харківський національний університет радіоелектроніки,
к. філос.н., доцент кафедри філософії

ГУМАНІТАРНА ОСВІТА В УМОВАХ ТЕХНОКРАТІЇ

Стаття звернена до проблеми дегуманізації освіти в умовах технократії. Перетворення інституту освіти на техноструктуру деформує фундаментальні гуманістичні засади освіти, нав'язуючи принцип технологічного конструктивізму й техноцентричний конформізм як просвітні ідеали. Симптомами такого перетворення є суто утилітарні вимоги до освітнього процесу, його дегуманізація і формування технократичного мислення у молоді, що може набувати риси ідеології.

Ключові слова: дегуманізація, технократія, техноцентризм, відчуження.